

«ВСЁ МОЁ», – СКАЗАЛО ЗЛАТО, или «Нас не смутит твоё призванье!»

Ирина Медведева, Татьяна Шишова

Материальные ценности, накрученные прикиды и прибацанные игрушки — идолы они или идеалы? И как вообще нам, воспитателям, разделить эти два понятия там, где, казалось бы, всё стянуто в тугую и неразделимый клубок? Сегодня, в пору, когда все идеалы, призванные когда-то вести человека, объявлены ложными, сказочными, а то и бредовыми, как трудно нам оставаться теми, кто ведёт за собой! И путь не прочерчен, и компас не выверен, и всё то, о чём мы будем говорить, заранее объявлено несущественным, а то и вредным. Как быть? Давайте задумаемся вместе, строя воспитательную идеологию как следование идеалам и умелое преодоление идиологов.

Сегодня довольно часто можно услышать, что в нашей стране нет и не было уважения к частной собственности и отсюда, мол, многие беды. Даже в современной детской книжке читаешь про некую сказочную страну «Дайнию», где живут «дайки» (или «дайки» — по аналогии со словом «совки»?), которые только просят, вымогают, отнимают. Обращаясь ко взрослому читателю, литераторы и общественные деятели уже безо всяких иносказаний, вполне прямо и откровенно заявляют, что в советское время все жили по принципу «отнять и поделить».

Но понятие «своё — чужое» в России существует и внушается людям с самого нежного возраста. Другое дело, что русское и западное представление о собственности не идентично. Во-первых, собственность в России не священна. И так было задолго до большевиков. Почитайте «Письма из деревни» помещика А.Н. Энгельгардта, считавшегося большим знатоком русской деревни и крестьянства, — там об этом говорит-

ся прямо и доходчиво. А вот и ещё более выразительная цитата.

«Горе — думается мне — тому граду, в котором и улица, и кабаки беззужно скулят о том, что собственность священна! Наверное, в граде сём имеет произойти неслыханнейшее воровство!» — это сказал отнюдь не классик марксизма, а М.Е. Салтыков-Щедрин.

Европейцу его высказывание наверняка покажется парадоксальным и даже абсурдным. Что за нелепость? Как это может быть? Раз собственность священна, то это как раз и есть надёжный заслон от воровства. Или уж во всяком случае не стимул к его процветанию.

А вызовут ли удивление слова великого сатирика у наших читателей? Думаем, вряд ли. Особенно сейчас, когда реальность служит прямо-таки идеальной иллюстрацией его мысли. Представителям русского менталитета и без объяснений понятно, почему разговоры про священную частную собственность служат в России дымовой завесой для

безбожного воровства. Но мы всё же вкратце поясним. В православной культуре (в традициях которой мы все воспитаны независимо от степени религиозности или даже отсутствия оной) принято благоговеть перед духовными святынями, а поклонение материальным ценностям (в том числе собственности) трактуется как язычество, как идолопоклонство. Что такое собственность как не золотой телец? А что такое золотой телец как не идол? Ну, а коли идол сакрализован, обожествлён, следовательно, истинного Бога нет. С отменой Бога отменяются и его заповеди. А ведь одна из первых заповедей гласит: «Не укради!».

Вторая важная характеристика: отношение к частной собственности в России не абсолютизируется. Иными словами, отношение к собственности связано с её происхождением. Известное изречение Веспасиана: «Деньги не пахнут» в нашей культурной системе не работает. Здесь деньги пахнут, и совсем немаловажно, пахнут они трудовым потом или нечестной наживой. «От трудов праведных не наживёшь палат каменных» — гласит известная пословица.

Вообще, язык — одно из ярких, точных и глубинных отражений коллективной психологии. Он может служить прекрасным тестом для диагностики истинного отношения народа к тому или иному явлению жизни. В русском языке существует множество отрицательно окрашенных слов, связанных с понятием прибыли: «нажива», «барыш», «куш», «барыга», «барышник», «деляга», «делячество», «торгаш», «выгадывать», «наживаться», «набивать карман».

Это отношение выражено и в пословицах: «Маленькая бережь лучше большого барыша», «Лучше с убытком торговать, чем с барышом воровать», «Не для барыша, ради почина», «Плоти убыток, душе барыш», «Неправедная нажива — не разжива», «Не до барыша, была бы слава хороша», «Неправедная нажива — огонь», «Деньги не голова: наживное дело».

А вот, казалось бы, вполне нейтрально звучащее местоимение «свой». Раскроем словарь Даля. Среди прочих значений указывается: «Своё — природное в человеке, нравственная порча, поро-

ки, самые страсти, собь, всё, что должно быть побеждено духом для возрожденья» (!)

Для сравнения возьмём английское слово «property» (собственность). Цитируем по словарю Миллера: «Property — имущество, собственность, поместье, имение, достояние, свойство, качество... proper — присущий, свойственный, правильный, должный, надлежащий, подходящий, пристойный, приличный (proper behaviour — хорошее поведение), точный, истинный, совершенный, настоящий, красивый». Не обязательно быть учёным-лингвистом, чтобы уловить ярко выраженный положительный оттенок двух этих английских слов.

А слово «корысть», имеющее в русском языке бесспорно отрицательный привкус, переводится нейтральным «advantage», «pro-fit» — «преимущество», «прибыль».

Ещё раз повторяем (хотя, честно признаться, нам уже надоело оправдываться, равно как и твердить, что, говоря «русский», мы имеем в виду не кровь, а культуру), наш анализ не ставит перед собой задачу оценить, что лучше, что хуже, кто прав, кто виноват. Но нельзя же не видеть живой реальности и в угоду очередной утопии, очередному фантому в очередной раз эту реальность корёжить!

Нам могут возразить:

— Господи, сколько можно идеализировать эту пресловутую русскую культуру? А то в России не было богатейших дворцов, поражавших своим великолепием иностранных гостей? И рядом нищий, голодный народ... А что касается языка, то здесь наблюдается некоторая предвзятость. Например, вы благополучно позабыли пословицу: «Своя рубашка ближе к телу». Или её не существует?

Почему же? Существует. Но тогда надо вспомнить и контекст, в котором она обычно употребляется. Когда человек не проявил должного бескорыстия, тогда, вздыхая, с оттенком сожаления говорят: «Что поде-лаешь? Своя рубашка ближе к телу».

Ну, а насчёт дворцов и хижин... Мы никогда не говорили о существовании в России идеального общества. Но какие в обществе этические установки, какие идеалы, немаловажно для хода истории. Что, кстати, и показала печальная история обитателей дворцов в 1917 году.

Причём установки, если пользоваться геологической терминологией, бывают разной глубины залегания. И важность глубинных пластов бессознательного признают сегодня психологи самых разных школ и направлений.

Очень интересное наблюдение мы сделали в Германии. Нам пришлось там много общаться с интеллигенцией. На уровне сознания все они были выражено левыми: возмущались засильём капитала, расслоением общества, смеялись над убогими интересами буржуазии. Да и русские эмигранты, с которыми мы там сталкивались, говорили, что немецкие интеллектуалы если не красные, то уж, во всяком случае, ярко-розовые. Однако интересное наблюдение заключается вовсе не в этом, а вот в чём: когда те же самые люди, которые пять минут назад выступали против социальной несправедливости, заговаривали о своих друзьях или знакомых, подходящих под категорию богатых, они неизменно понижали голос и с явным почтением произносили: «He is very rich» («он очень богатый» — мы общались по-английски). Так было не один, не два, не три раза, и голос понижался автоматически, и в глазах появлялась какая-то детская зачарованность — так, наверно, заглядывали в окна богатого дома Тильтль и Митиль из «Синей птицы» Метерлинка. И мы понимали, что благоговейный шёпот исходит из самых глубин души, отражая определённую бессознательную установку.

Для сравнения предлагаем представить себе, будет ли говорить шёпотом и с придыханием о своих богатых знакомых наш человек, возмущающийся, как и немецкие интеллигенты, социальной несправедливостью. Конечно, бывает, что, кляня богачей, люди им втайне завидуют. Но это отнюдь не «белая зависть». Она окрашена ярко отрицательно и несёт в себе большой заряд агрессии — эмоции, несовместимой с пиететом. То есть даже глубинная установка на богатство — это как бы антиидеал или, по выражению Льва Гумилёва, «субпассионарное» проявление.

В прочности традиционных установок мы постоянно убеждаемся, работая с детьми, находящимися в пограничных состояниях психики. А таких детей за последние годы побывало у нас в центре множество, около 500 человек. Учитывая, что мы тесно общаемся не только с детьми, но и с их родителями, бабушками и дедушками, число респондентов можно смело увеличить минимум до полутора тысяч. Так вот, мы наблюдаем очень показательную картину.

На уровне сознания и взрослые, и даже дети прекрасно понимают роль денег и деловой хватки в современной жизни.

Вчера ещё полуюмористическое «хочешь жить — умей вертеться» сегодня воспринимается как вполне серьёзный императив. Фактически это стало залогом выживания. Причём такая ситуация длится уже не месяц и не год и по идее могла бы повлиять на изменение ценностных ориентиров. К примеру, перечисляя положительные черты характера ребёнка, родители должны были бы в духе времени указывать на практичность, бережливость, деловитость, желание пробиться, стать первым, интерес к бизнесу в конце концов! Но — нет! Вместо этого пишут: «Добрый», «ничего не пожалеет», «отдаст последнее».

Что же касается желания быть первым (совершенно необходимого в условиях рыночной конкуренции), то тут вообще парадокс: это перечисляется в ряду **главных недостатков**, для искоренения которого родители и обращаются к специалистам. За всё время нам встретилась только одна мама, которая среди достоинств своего сына указала (цитируем дословно): «Хочет быть богатым». Однако в ряду недостатков назвала жадность и уточнила: «Любит копить деньги, никогда ничем не поделится». Подчеркнём, что при этом среди родителей встречается немало сторонников либерально-рыночных реформ.

Ну, хорошо. Взрослые, они всё-таки формировались в другое время. Может, у новых детей уже всё по-иному?

Более сообразно «историческому моменту»? В анкете, которую мы предлагаем детям, есть вопросы, позволяющие сделать выводы относительно ценностных установок: «Какие качества ты хотел бы приобрести?» Далее: «От каких недостатков желал бы избавиться?» Наконец: «О чём ты мечтаешь?»

Конечно, дети мечтают о красивых и модных игрушках (как, впрочем, было всегда). Но никто ни разу не написал о желании разбогатеть, стать миллионером, владельцем «заводов, газет, пароходов» и т. п. Или нет... И тут не обошлось без исключения. Одиннадцатилетний подросток так прямо и написал: «Хочу иметь много денег». Правда, привели его к нам с жалобой на регулярное воровство в довольно крупных размерах. Хотя, кто знает? Может, случайно совпало...

Среди качеств, которые дети, наоборот, хотят приобрести, в первую очередь фигурируют смелость и доброта. Опять же ничего нового.

Предвидим законное возражение: — Распространять на всех детей данные, полученные в группе риска, это, знаете ли, очень сомнительно с точки зрения научной достоверности. Вы ведь имеете дело с детьми нервными, у которых хрупкая, сверххраняемая психика.

Но в том-то и суть, что у таких детей **размыты** традиционные этические границы, и мы, кстати, добиваемся хороших результатов в работе с ними (то есть возвращаем их к норме) как раз благодаря восстановлению этих границ. Желания и мечты детей-невротиков действительно разнятся с желаниями и мечтами психически прочных детей. Но знаете, в чём? В том, что мечты первых инфантильнее, эгоистичнее и прагматичнее. Мы давали такие же анкеты обычным детям и обнаружили, что у них мечты очень рано перемещаются в сферу идеального. Уже 6–7-летний ребёнок понимает, что игрушки и прочие «материальные ценности» — дело наживное, и говорит, что попросил бы фею или доброго волшебника о другом: чтобы родители никогда не ссорились, чтобы люди (или хотя бы близ-

кие) не умирали, чтобы на свете не было несчастных и злодеев, чтобы стали возможными путешествия во времени.

А ещё — и это уж, безусловно, веяние времени — ребята постарше, совсем как героиня «Пяти вечеров», мечтают о том, чтобы не было войны.

Новое время — новые песни

Когда «процесс пошёл», и не только пошёл, но и довольно широко развернулся, бывает интересно оглянуться назад, вспомнить его истоки. С чего начиналось? Каковы были первообразы новой реальности? «Из всех видов искусства важнейшим для нас является кино» — в отличие от многих других ленинских фраз эту идеологию новой жизни явно не забыли. Давайте попробуем ответить на вопрос, какие фильмы эпохи перестройки можно назвать установочными. Прежде всего, разумеется, «Покаяние» Тенгиза Абуладзе. Власти позаботились о том, чтобы этот фильм посмотрела вся страна. И акция была проведена грамотно, с учётом законов массовой психологии: на фоне непрекращающихся разговоров о грядущем запрещении и даже уничтожении фильма повсюду — на предприятиях и в учреждениях — организовывались массовые просмотры. В результате множеству людей были даны две установки. Первая: что нужно, то есть имеют право на существование только те улицы, которые ведут к храму (в трактовке публицистов и политиков он был очень скоро заменён рынком — так поначалу замаскированно называли капитализм). И вторая — на самом деле, как нам кажется, главная, что **прах вовсе не святыня**. И прах не абстрактный, а более чем конкретный — прах собственного деда. Очень многое из того, что происходило впоследствии, подчинялось именно этим двум установкам.

Другим, не менее установочным фильмом, стал, пожалуй, фильм «Асса». Мы сейчас не будем обсуждать, случайно так получилось или это закономерно. Важно то, что после

осуждения старого пути общественного развития возникла потребность в определении новой траектории. И не только траектории, но и наиболее активной, не скованной предрассудками и устаревшими моральными нормами социальной группы, которая победит «впереди паровоза». Что ж, она нашлась довольно быстро, и теперь всё общество расхлёбывает последствия случившегося.

Было бы очень странно, если бы в столь ответственный момент, как переход к иному строю, забыли про детей. И про них действительно не забыли. Из всего огромного мира диснеевской мультипликации для первого массового показа по телевидению (а первое впечатление, как известно, оставляет в памяти глубокий след) юному зрителю предложили сериал «Утиные истории», где буквально всё пропитано запахом денег. Не только сюжет (вернее, множество сюжетов, и это тоже важно) вращается вокруг обогащения, но и весь словесно-зрительный, образный ряд подчинён той же теме. Чего стоит сквозной лирический образ **первой монеты**, этакого талисмана или даже ангела-хранителя миллионера Скруджа! Или долларовый счётчик, включающийся в глазах того же дядюшки Скруджа в моменты озарения. А имена Голди (Золотце), Миллионера и наконец сам Скрудж, что в переводе значит Скрыга? А буквализация метафоры «купаться в деньгах»? И когда это показывается как **высшее блаженство**? А высказывания типа: «Деньги — это самое главное...», «Люблю купаться в деньгах, но больше всего я люблю их считать. Чем больше считаю, тем больше люблю...», «Я везде узнаю золото. Это мой любимый цвет...», «С этой жемчужиной я мог бы почувствовать, что значит быть богаче, когда ты уже богат».

Или возьмём сцену, когда Скрудж делает предложение своей подруге Миллионере.

Скрудж: Давай подумаем о союзе, моя дорогая облигация.

Миллионера: О каком союзе, мой золотой доллар?

Скрудж: О союзе наших капиталов, моя милая копилочка.

Специфический юмор, не правда ли?

О Скрудже хочется сказать отдельно, потому что в его лице нашим детям впервые попытались навязать нового положительного героя. Героя из совершенно иной этической системы, никоим образом не связанной с православной

(да и мусульманской, как нам кажется, тоже). Практически всё, что в дядюшке Скрудже подано как положительное, с точки зрения нашей культуры отвратительно. Он скупой, расчётливый миллионер, у которого «одна, но пламенная страсть» — прибыль. Он нещадно эксплуатирует своих работников, вполне может выгнать их на улицу (и выгоняет), жалеет лишние пять долларов даже для своих племянников-утят. Он страшный педант, индивидуалист, эгоист. Но в мультфильме дядюшка Скрудж представлен очаровательным стариком, милягой. Да, со слабостями (а у кого их нет?), со смешными привычками, над которыми утята могут даже подшутить. Но это, безусловно, идеал. Современный протестантский идеал. (Именно современный, потому что столетие назад дядюшка Скрудж был бы ещё и набожным.)

Разумеется, новая установка не формируется с помощью одного образа, пусть даже взятого из любимого и популярного мультсериала. Поэтому параллельно (акkurat, в 1992 году) для малышей начали издаваться брошюры в виде комиксов с красноречивыми названиями: «Что такое торговля и мировой рынок?», «Что такое инфляция?», «Что такое деньги?», «Что такое банки и сберкассы?», «Зачем нам акции?», «Зачем нам инвестиционные фонды?» — самые что ни на есть необходимые знания для детей пяти-шести лет! А вот и умильное название — «Жила-была денежка». Выбирай, что тебе нравится: академизм или сказка.

Для детей постарше перевели, среди прочих подобных, книгу американца Карла Хесса «Так устроен мир» (тираж по современным меркам огромный — 100 000 экземпляров). Именно мир, ни больше, ни меньше! Поначалу кажется смешным, что под устройством мира подразумеваются здесь изложенные в популярной форме экономические принципы капитализма. (Это на фоне непрекращающихся у нас призывов к деидеологизации

образования!) Но прочитав книгу до конца, понимаешь, что в ней, пусть в очень примитивной форме, действительно изложена модель мироустройства. Модель по всем параметрам отличная от нашей. Не будем надолго останавливаться на многочисленных высказываниях вроде: «Американская культура — самая влиятельная в мире», «Американская Декларация независимости, а не марксистские глупости, перечитывается во всём мире», «В то время как некоторые американцы не видят у себя дома ничего, кроме мрака и упадка, люди в других частях мира взируют на США как на светоч свободы и прогресса». Хотя несколько слов всё-таки скажем.

Когда вещь становится полезной, она, как правило, перестаёт быть прекрасной.

Т. Готье

Во-первых, это образец пошлой, кондовой пропаганды. Во-вторых, ложь для совсем уж безграмотных людей. Кто «взирает на США как на светоч свободы и прогресса»? Англия? Франция? Германия? Или, может быть, боснийские сербы? Или Вьетнам, Панама, Гренада, Ирак? Да и «марксистские глупости» до сих пор волнуют умы ничуть не меньше, чем американская Декларация независимости. В Италии, к примеру, в Испании, в странах Латинской Америки и т. д.

И, наконец, главный вопрос. Зачем все эти сентенции нашим детям? Чтобы развивать в них чувство неполноценности и с малых лет настраивать на эмиграцию? «В США хотело бы переселиться больше людей, чем в любую другую страну». Допустим, так. Но зачем внушать это российским подросткам?

Ладно. Это, можно сказать, «лирика». Тут есть вещи и посущественней. Подросткам внушается, что всё в мире можно и нужно рассматривать с точки зрения экономики, товарной стоимости, прибыли и т. п. Даже себя самого! «Ты здоров, потому что хорошо питаешься и занимаешься спортом. Это вложение в собственное тело», «Твоя жизнь — это твоя собственность», «Ты владелец своей жизни». Совершенно очевидно, что Богу в этой системе места нет. Отсюда, если говорить

уже не о книге, а об обществе, и борьба за разрешение употреблять марихуану (моё здоровье — это моя проблема), и отмена нравственного запрета на самоубийство (в то время как с поворотом людей к религии у нас во многих семьях детям внушается, что самоубийство — грех, что человек не волен распоряжаться своей жизнью). Отсюда и многочисленные дискуссии на темы эвтаназии (добровольного ухода из жизни с помощью врача в случае смертельной болезни) или перспективы улучшения человеческой породы путём генной инженерии. Понятно, что всё это берёт свои истоки из благих намерений, и мы не будем сейчас рассуждать о том, куда ведёт дорога, вымощенная ими. Повторим лишь, что в православной церкви взгляд на жизнь как на собственность человека безоговорочно осуждается.

Работа на благо общества в книге Хесса объявляется злом, ибо на самом деле она оказывается работой «на политических вождей». Вопрос намеренно заостряется, доводится до абсурда: «Предположим, что... другие говорят тебе, что надо работать на общество, а не на себя, и что сделанное тобой должно принадлежать всем, а ты получишь только то, что общество тебе даёт. Они бы сказали, что ты не имеешь права на частную собственность. Они бы также сказали, что у тебя нет права быть личностью и решать самому свою судьбу. Всё это они отняли бы у тебя!»

Оруэлл да и только! Это значит, что вы, дорогие читатели — в прошлом все, а многие, кто на государственной службе, и теперь (учёные, включая академиков, врачи, учителя, артисты, рабочие, инженеры, министры, даже президент!) — **не личности**. И частной собственности у вас никогда никакой не было (автор, кстати, включает в это понятие одежду, пластинки, книги, инструменты и т. п.), а была лишь «лагерная пайка и место у параша» — популярное клише второго этапа перестройки. Пайка, правда, при ближайшем рассмотрении оказалась не такой уж ничтожной. Например, многократно

осмеянные у нас шесть соток в последние годы помогают выжить (в буквальном смысле слова) миллионам людей.

Но пойдём дальше. Разделение на богатых и бедных, допустим, естественно и разумно (поделом вам, бездельники и неумейки!). Конечно, следует оговориться: Карл Хесс — рыночник, что называется, в чистом виде. Не всё прогрессивное человечество разделяет ненависть автора к налогам, субсидиям, пособиям и прочим видам материальной помощи. («Люди, работающие плохо, оказываются вознаграждены, а те, кто поработал хорошо, вынуждены платить за других».) Но любопытно, что для перевода была выбрана именно такая книга.

Особенно красноречивы, на наш взгляд, конкретные рекомендации, дающиеся К. Хессом «юноше, обдумывающему житьё»: «...ты должен осмотрительно относиться к помощи родителей, если решил попробовать себя в каком-нибудь деле. Предположим, ты решил стричь газоны... Твои родители могут предложить тебе пользоваться их собственной косилкой. Это очень мило с их стороны, но тебе лучше взять её напрокат на деловой основе. Это будет гораздо полезней для твоей последующей предпринимательской деятельности, чем если бы ты получил косилку бесплатно». Родителям же в специальной главе, разумеется, дан совет платить детям деньги за выполнение работы по дому.

Вообще неоценимое достоинство этой книги в том, что в ней ёмко и лаконично дан идеальный образ члена рыночного общества: «Ты должен быть честным, упорным, заботиться о своём здоровье, развивать свои умственные способности, обдумывать каждый свой поступок, отвечать за свои слова и дела, не ныть и не плакаться, если дела идут плохо, и не хвастаться, если они в полном порядке, стараться любую работу выполнять хорошо, не бояться задавать вопросы, если ты чего-то не понимаешь».

Казалось бы, что плохого? Разве тут есть что-нибудь неправильное или тем более возмутительное? Нет, но весь вопрос в том, ради чего всё это? И ответ дан тут же, в следующем абзаце: «Вырабатывай в себе эти качества, и они помогут тебе быть бережливым». А если вернуться немного назад, то мы прочитаем:

«Раз ты — владелец своего собственного хозяйства и экономно ведёшь его, твой главный интерес — это ты сам». А ещё чуть раньше: «Словарь толкует, что бережливость — душа экономики. Эта идея родственна другой идее — процветанию. Процветание означает экономический успех и счастье».

Когда политики говорят о замене культурных кодов и культурного ядра — а именно с этих позиций стоит рассма-

Когда корысть звучит в словах, не верь ни лести женщины, ни проискам мужчины.

А. Навои

тривать распространение подобной литературы, её ведь, между прочим, рекомендуют школам, то для многих людей это остаётся пустым звуком. Именно пустым, потому что он не наполнен образным содержанием. Что такое «культурный код», «культурное ядро»? Абстракция да и только! Слова, слова, слова. И, к сожалению, слова нобелевского лауреата, крупнейшего учёного К. Лоренца: «Радикальный отказ от отцовской культуры — даже если он полностью оправдан — может повлечь за собой гибельные последствия», — далеко не всех заставляют содрогнуться. Может повлечь, а может и не повлечь. И что понимать под «гибельными последствиями»? Надоели эти страшилки да пугалки! То от СПИДа все перемрём, то от голода. А ну их!..

А давайте попробуем «примерить» эти абстракции к нашей повседневной жизни, предельно конкретизируем их. На протяжении последних лет мы не раз сталкивались с людьми, которые попытались было воспитывать своих детей, руководствуясь принципами бизнес-идеологии. Результат оказывался плачевным. Практически всегда. Скажем, когда родители, следуя советам авторов типа К. Хесса, начинали платить детям деньги за домашний труд, отношения в семье быстро разлаживались. «Мой сын за месяц так обнаглел — никакого с ним сладу не было. Что ни попросишь, в ответ: «А сколько ты мне за это дашь?» И за уроки стал требовать деньги, и за хождение в школу.

Чуть ли не за чистку зубов таксу назначил!» — подобные признания вполне типичны.

Другой распространённый вариант: сначала родители внушают ребёнку, что умный — это тот, кто умеет зарабатывать, умеет крутиться. А потом хватаются за голову: ах, какой ужас, его ничего, кроме денег, не волнует, учёбу забросил, читать перестал. Только сидит перед телевизором, смотрит всякие конкурсы — всё надеется выиграть... В общем, совсем свихнулся.

К сожалению, последнее — не только фигура речи. Не так уж редки случаи, когда в детском сознании происходит сдвиг — деньги, обогащение, капитал становятся настоящей идефикс. Нам встречались дети из вполне культурных и нормально обеспеченных семей, которые, сбегая с уроков, шли не в парк на аттракционы, а... на помойку, чтобы собирать пустые бутылки и, сдав их, «обрести экономическую независимость». Повторяем, это не соответствовало материальному положению семьи и потому выглядело абсолютно нелепым, неадекватным. Настолько нелепым, что заставляло родителей обращаться к психоневрологу.

Родительская фиксация на бережливости как на одном из главных достоинств приводит либо к бунту, либо к развитию у детей педантизма, жадности, даже скопидомства. Что, в свою очередь, приводит в ужас родителей, ибо они, усвоившие «новое откровение» только на уровне сознания — совершенно справедливо, с точки зрения нашей культуры, — квалифицируют такие качества как проявление психической деформации. Заповедь «твой главный интерес — это ты сам», отражаясь на родителях (а в конечном счёте так всегда происходит), неизменно оценивается ими как ужасающий, противоестественный эгоизм.

Это вполне понятно: несвойственные родной культуре жизненные принципы наталкиваются на жесточайшее сопротивление бессознательной сферы психики. К.Касьянова в книге «О русском национальном характере» рассказывает об очень интересном и серьёзном научном исследовании, посвящённом, в частности, про-

блеме столкновения глубинных особенностей разных культур. Она отмечает огромную устойчивость наших этнических архетипов и пишет, что «несмотря на постоянное «отклонение» интеллигентской рефлексии силовыми линиями поля западноевропейской культуры, на уровне модели поведения та же интеллигенция... реализует в полном объёме **свои** «социальные архетипы», а вовсе не западноевропейские.

Прекрасной иллюстрацией этого служит следующий пример. В какой-то момент журналисты, словно сговорившись, стали пугать общество тем, что вот-вот начнётся «война всех против всех». Звучало это так, что ничего страшнее и придумать нельзя. Но у знающих людей вызывало лишь смех, ибо согласно великому философу либерализма Гоббсу, «война всех против всех» — вовсе не запредельно страшная реальность, а... один из основных жизненных принципов атомизированного, свободного общества. И даже идеал! По Гоббсу, «равными являются те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе».

На уровне сознания эти журналисты приняли «на ура» идею построения либерального общества, но подсознание воспротивилось и сделало из идеала жупел. А они даже не заметили «неувязочку» и до сих пор пугают нас тем, к чему должны были бы призывать. **В.Ш**

О самом-самом...

* Самый современный, самый высокий и один из самых дорогих отелей в мире — «Бурж эль Араб» («Арабская башня») — семизвёздочный отель в Дубае, городе Объединённый Арабских Эмиратов. Здание стоит в море, на искусственном острове, в 280 метрах от берега; 60 этажей здания поднимаются над гладью воды на 321 метр. В отеле 202 двухэтажных номера; в нём есть подводный ресторан и вертолётная площадка.